

Донбасский разлом

До 2014 года политическая конкуренция и отсутствие внутренних военных конфликтов были главными отличительными чертами Украины среди постсоветских стран. Несмотря на интенсивность политического противостояния и существенную разницу в предпочтениях, разным частям украинского общества удавалось избегать прямых насильственных столкновений. Во многом именно наличие действующих демократических институтов позволяло политическим элитам находить мирные пути выхода из предыдущих кризисов. Победа “пророссийского” оппозиционного кандидата Леонида Кучмы на выборах 1994 года помогла остановить волну сепаратизма в Крыму. Пакт элит во время Оранжевой революции 2004 года, который превратил Украину в парламентско-президентскую республику, дал возможность президенту Кучме и донецкому клану смириться с поражением собственного кандидата Виктора Януковича, сохранив надежду на — политический — реванш. Впоследствии, когда Янукович, уже в ранге оппозиционного лидера, победил, хоть и с минимальным перевесом, на выборах 2010 года, его победа была спокойно принята обществом, поскольку легитимность его избрания не вызывала сомнений ни у кого, кроме побежденной Юлии Тимошенко. Однако уже весной 2014 года ни демонтаж суперпрезидентской модели власти, ни осуждение Партией Регионов своего бывшего лидера и признание новой власти, ни проведение внеочередных президентских выборов не смогли предотвратить начало пер-

вого в истории Украины военного конфликта.

Для многих наблюдателей такое неожиданное изменение логики политического процесса Украины является прямым следствием вмешательства извне. Именно действия российского руководства, с этой точки зрения, изменили мирную траекторию развития украинского государства и раскрутили спираль насилия, которое быстро переросло в масштабную войну. В пользу такого взгляда немало веских аргументов — от лжи и подстрекательства российской телепропаганды до вооруженных “зелёных человечков” за спинами мирных жителей в Крыму и бывшего офицера ФСБ во главе “народного ополчения” Донбасса. Однако Кремль и российские агенты действовали не в вакууме. Коридор возможностей для них был создан, в значительной мере, чередой событий внутри Украины, которые не только находились вне прямого контроля Москвы, но и зачастую шли вразрез с интересами российского руководства.

Первым из них был отказ части активистов Евромайдана от практик ненасильственных революций и переход к прямому использованию силы в борьбе с режимом Януковича. Вторым стала ставка нового украинского руководства на “демонстрацию силы” для нейтрализации сепаратистского движения на Донбассе. Третьим были действия Киева, который активно вовлекал участников националистических группировок в боевые действия, а затем предоставил украинским военным “карт-бланш” на использование оружия неизбирательного действия в густонасе-

ленных районах. Кроме того, все эти события накладывались на особенности недавней политической истории Донбасса, структуру патронажных связей в регионе и систему ценностей и политических предпочтений его жителей. Результатами стали крах легитимности украинской власти в глазах значительной части местного населения и ускоренная милитаризация движения неповиновения Киеву. Россия, безусловно, использовала эти события, но не определяла их.

Евромайдан в огне

Впервые реальная угроза гражданского конфликта в Украине возникла на пике Оранжевой революции в декабре 2004 года. Именно опасения массового кровопролития и начала гражданской войны, по утверждению Виктора Ющенко, заставили его пойти на компромисс с Кучмой и поддержать передачу значительной части президентских полномочий парламенту¹. Ющенко также последовательно настаивал на необходимости придерживаться исключительно ненасильственных способов протеста — в противовес радикальному крылу оппозиции, которое призывало к штурму администрации президента. Благодаря этому тогда удалось обеспечить переход власти без применения насилия.

Однако во время следующей революции были использованы силовые методы, и это позволило расшатать единство власти и привести к её капитуляции. Уже в начале декабря 2013 года, когда стало понятно, что власть готовится смести протест дубинками “Беркута”, при активном участии лидеров оппозиции началась организация отрядов самообороны. Всего через несколько недель наиболее радикальные из этих отрядов перешли к наступательным действиям, вступив в столкновения с “Беркутом” на соседней с Майданом улице Грушевского. Принятие провластным большинством в парламенте январских законов, которые ограничивали свободу собраний, стало свидетельством как бесперспективности традиционных методов ненасильственного сопротивления, так и несостоятельности умеренной оппозиции и ее лидеров. В резуль-

тате дальнейший ход протестного движения стали во многом определять участники крайне правых группировок. Благодаря им булжники и зажигательные гранаты оказались неотъемлемой частью арсенала протестующих. В дальнейшем из них сформировались передовые отряды, которые захватывали областные государственные администрации на Западной и в Центральной Украине.

Если на первых порах оппозиционные лидеры и пытались остановить ультраправых, то вскоре они осознали выгоды от постоянного силового прессинга власти. С одной стороны, это заставило Януковича впервые идти на серьёзные уступки в переговорах с оппозицией: отменить “диктаторские” законы, освободить арестованных активистов и сместить главу правительства Николая Азарова. С другой, жесткое противодействие силовиков и первые жертвы среди активистов увеличивали протестный потенциал и только усиливали антагонизм между властью и обществом. Точечные репрессии не умирляли протест, а лишь множили число тех, кто выступал за радикальные методы борьбы.

В то же время силовые захваты органов власти привели к постепенной утрате фактического контроля Киева над частями Западной и Центральной Украины². Это стало особенно очевидным с началом перехода местных правоохранителей на сторону манифестантов во Львове, Ровно, а позже Луцке, Ужгороде, Черновцах, Полтаве и других городах. При этом представители оппозиции продолжали публично дистанцироваться от силовых действий радикального крыла. Ярким примером такой двойственности стал решающий марш вдоль Институтской улицы 18 февраля 2014 года, который был заявлен оппозицией как “мирное наступление” на парламент. В авангарде колонны шли сотни Самообороны, часть которых была сформирована из праворадикалов. Именно они пустили в ход зажигательные смеси, петарды и булжники, а затем и огнестрельное оружие для прорыва кордона внутренних войск, охранявших правительственный квартал. Результатом этих уличных боёв стало масштабное кровопролитие, продолжавшееся три дня и завершившееся побегом Януковича. Боевые действия

в центре Киева сопровождалась разгромами отделений милиции, прокуратуры и управлений СБУ на западе Украины. Отряды самообороны захватывали склады с оружием, чтобы переправлять его протестующим на Майдан. Если оппозиционные политики и надеялись на мирный исход марша, они не сделали ничего, чтобы избежать насилия.

Ящик Пандоры

Переход протеста в силовую фазу в последние дни Евромайдана имел непоправимые последствия как для стабильности государственной власти, так и для целостности украинского государства.

Открытое применение силы протестующими при негласной поддержке оппозиционных партий сняло главное ограничение, которое до этого удерживало политическую борьбу в Украине в мирном русле. Если среди политических элит установка исключительно на мирные способы борьбы больше не действовала, то теперь любой гражданский протест включал насильственный потенциал. Новая практика захватов и разгромов органов власти также означала, что общество не только ликвидировало монополию государства на применение легитимного насилия, но и попыталось лишить его права применять силу вообще. В таких условиях митинг недовольных граждан присваивал себе право беспрепятственно войти в госучреждение и ожидать от госчиновников беспрекословного выполнения своих требований. Люди в форме правоохранителей теряли свой статус и становились, в лучшем случае, объектом для насмешек и унижений. Государство перестало существовать не только как механизм реализации общественных интересов, но и как аппарат принуждения. Это ликвидировало главное препятствие на пути тех сил, которые хотели кардинально изменить устройство или границы Украины.

Характер победы, одержанной на Майдане, усложнил и восстановление центра принятия решений в государстве. Старая власть во главе с Януковичем потеряла большую часть легитимности после силового разгона сту-

дентов на Майдане в ноябре 2013 года. Однако силовые методы борьбы, использованные протестующими, ограничили легитимность и нового украинского руководства. Полноценное признание новой власти произошло только в тех регионах, которые активно поддерживали Евромайдан. В отличие от них на Донбассе почти две трети жителей отказались признать законность перехода власти к оппозиции — больше, чем во всех остальных областях юго-востока (не считая Крыма)³.

Милитаризации Евромайдана сопутствовало и ответное формирование военизированных отрядов под лозунгами защиты местных жителей от националистов. Первые такие отряды начали создаваться под патронатом Партии Регионов в Донецке и Луганске уже зимой 2013–14 годов⁴. После падения Януковича они начали распространяться по всему Донбассу. Если изначально их основой были активисты местных пророссийских организаций или казацкого движения, то с марта к ним начали присоединяться многие сочувствующие как из среды бывших ветеранов-афганцев, так и из ещё недавно действующих украинских силовиков. Будущий командир батальона ополченцев “Восток” Александр Ходаковский возглавлял донецкое спецподразделение СБУ “Альфа” и принимал участие в штурме Дома профсоюзов на Майдане, где размещался штаб Евромайдана. Его примеру последовали многие из рядов донецкого и луганского “Беркута”, прошедшие не одну ротацию на Майдане — одни из боязни попасть под преследование новой власти, другие из желания отомстить. К местному ополчению начали присоединяться и бывшие активисты “Анти-Майдана”, которые вернулись из Киева с новыми навыками уличных протестов. В результате на Донбассе начало формироваться боевое ядро, которое вышло на первый план с началом военной фазы противостояния.

Ещё одним следствием силовой эскалации Евромайдана стало ощущение угрозы со стороны националистов, нараставшее на юго-востоке Украины. Наиболее серьезной эту угрозу опять-таки считали на Донбассе. В начале апреля 2014 года почти две трети жителей региона воспринимали “Правый Сектор” как влиятельную организацию, которая

“представляет угрозу гражданам и целостности страны”⁵. В этих условиях часть местного населения отнеслась к формированию местных групп самозащиты как к некоей гарантии безопасности, которую государство уже не обеспечивало. “Народные дружины” начали напрямую сотрудничать с местной милицией в организации патрулей и контроле за дорогами.

Почему Донбасс?

Регион, который возглавил движение за разделение Украины, мог показаться наименее приспособленным к этой роли. До 2014 года Донбасс имел репутацию политически инертного региона со слабыми институтами гражданского общества и сильной патерналистской культурой. Это и обеспечивало полное доминирование там Партии Регионов (ПР) на протяжении почти двух десятилетий. Даже во время Евромайдана лагерь сторонников Януковича возле Верховной Рады был относительно малочислен и состоял главным образом из жителей небольших городов Донбасса, которых организовано привозили туда власти⁶. Такая пассивность создавала впечатление, что Донбасс может смириться с победой Евромайдана так же, как он ранее смирился с триумфом Оранжевой революции. Однако уже в первые дни после побега Януковича стало очевидно, что мягкого перехода к новому режиму не произойдет.

Митинги в поддержку федерализации Украины прошли в большинстве крупных городов юго-востока. Однако Донбасс стал единственным регионом, где Киеву не удалось восстановить контроль и предупредить начало вооруженного движения за присоединение Донецкой и Луганской областей к России. Этому способствовало три главных фактора.

Во-первых, Донбасс существенно отличался от других регионов Украины как своими политическими взглядами, так и уровнем интегрированности в украинское государство. В отличие от всех других областей, большинство здесь традиционно поддерживало объединение Украины с Россией (66%) и сожалело

о распаде Советского Союза (61%)⁷. В апреле 2014 года, уже после аннексии Крыма Россией, почти две трети жителей региона продолжали позитивно относиться к российскому президенту Владимиру Путину, в то время как в других регионах уровень поддержки был не выше 20%. За исключением Крыма, Донбасс также оставался единственным регионом, где большинство (57% в 2013 году) заявило, что не поддержит независимость Украины в случае проведения там повторного референдума (подобного тому, что был проведен в 1991 году, когда в этих двух областях за независимость Украины высказались почти 84% процента жителей)⁸. Хотя в пользу выхода Донбасса из состава Украины до революции высказывалось минимальное число местных жителей (8% в 2012), признание украинского государства здесь также было условным. Об этом свидетельствовало, в частности, преобладание среди жителей Донбасса региональной идентичности — в отличие от других регионов Украины, здесь себя ассоциировали в первую очередь с собственным городом или регионом, а не с государством в целом.

Через избирательных кампаний последних десяти лет только способствовала укреплению представлений о донбасской исключительности. Для сохранения монополярной политической позиции в регионе Партия Регионов активно использовала мифы об экономической мощи Донбасса и особенном менталитете его жителей. С этой же целью “регионалы” настойчиво именовали своих политических оппонентов “фашистами” и “бандеровцами”. Неприятие украинских националистов на Донбассе было значительно выше, чем где-либо ещё в Украине, что существенно усиливало там эффект от сообщений российских телеканалов о “фашистской хунте” в Киеве. Как следствие, уже в начале апреля 2014 года почти треть местных жителей поддерживали выход Донбасса из состава Украины и лишь около 10% были готовы оказать активное сопротивление в случае ввода в регион российских войск⁹. Четверть населения также выражала готовность участвовать в пророссийских демонстрациях¹⁰. Активный костяк сторонников отделения региона и нейтральное отношение к происходящему

большинства создало благоприятные условия для дальнейшей мобилизации сепаратистского движения.

Вторым фактором, который открыл дорогу к вооруженному восстанию на Донбассе, стала позиция местной политической элиты, руководителей силовых органов и рядовых правоохранителей. Публичные заявления Партии Регионов после победы Евромайдана сводились к требованиям предоставить более широкие полномочия местным органам власти и гарантии культурных прав русскоязычным. Однако побег Януковича и его соратников привел к фактическому распаду партии на несколько группировок, связанных с крупными бизнес-группами (Рината Ахметова, Дмитрия Фирташа, Александра Ефремова и др.). Каждая из этих группировок имела свои сферы интересов на Донбассе; часть из них отстаивала их, заключив негласный союз с лидерами сепаратистов. Руководство ряда городов Донбасса содействовало проведению регулярных митингов под советскими и российскими флагами; в дальнейшем эти городские власти приняли участие в организации референдума 11 мая. Финансирование митингов и “народных дружин” осуществлялось местным бизнесом, который действовал под прикрытием партийных боссов из Партии Регионов. В состав многих из этих “дружин” вошли местные депутаты от Коммунистической Партии и Прогрессивной Социалистической Партии Украины. В них вовлекали и боевиков “Анти-Майдана” (так называемых “титишек”), которых использовали для разгона проукраинских акций и запугивания их организаторов. При этом руководители местных управлений милиции и СБУ, входящие в патронажную пирамиду Партии Регионов, не препятствовали развитию сепаратистского движения. Фактически правоохранительные органы в большей части Донбасса прекратили выполнять свои функции, а дальнейшие захваты силовых органов совершались при их попустительстве или прямом содействии. Например, во время штурма здания СБУ в Луганске милиция отказалась защищать здание, а начальник УВД настоял на необходимости освобождения задержанных лидеров “сепаратистов”¹¹. По словам экс-начальни-

ка луганской СБУ Александра Петрулевича, большинство милиционеров области прошли через Майдан и “вернулись домой с обидой, надломленной психикой, плюс уголовное дело каждому грозило”. Как позже признал советник министра внутренних дел Украины Антон Геращенко, весной среди сотрудников Луганской и Донецкой областей было “практически тотальное предательство”¹².

Яркой иллюстрацией этих процессов стали события в Северодонецке, где вооруженные ополченцы во главе с казачьим атаманом Павлом Дрёмовым и командиром отряда самообороны Алексеем Мозговым появились лишь в начале мая. К этому времени подготовкой референдума, по указанию самопровозглашенного руководства ЛНР, занимались функционеры горсовета, в то время как руководитель местного СБУ ушел в отпуск, а правоохранительные функции осуществляли дружины ветеранов-афганцев, связанных с местным бизнесом. В соседнем Алчевске ответственность за проведение референдума взял на себя городской голова “регионал” Владимир Косюга, который затем поддержал признание ЛНР депутатами горсовета. Хотя формально в этих городах продолжала существовать украинская власть, они фактически вышли из подчинения Киеву ещё в апреле без каких-либо боевых действий. Такое “тихое отделение” многих городов Донецкой и Луганской областей стало возможно лишь благодаря скрытым закулисным договоренностям местной власти с лидерами сепаратистов и неформальному подчинению части силовиков региональным боссам из ПР и крупного бизнеса.

Третьим фактором, которой предопределил превращение Донбасса в театр военных действий, стал выбор Славянска в качестве опорного пункта группы бывшего офицера ФСБ Игоря Стрелкова. Как объяснял сам Стрелков, этот выбор был связан с его планом укрепиться в городе “средней величины”, в котором можно “быстро установить власть, поддержанную народом”¹³. Славянск был важен и как крайний форпост на севере Донецкой области, расположенный на пересечении нескольких транспортных магистралей в направлении Донецка, Луганска и российской границы.

К моменту появления в городе “стрелковцев” Славянск уже был на пути “тихого отделения”. В составе местного ополчения там состояло до 300 человек, которые сотрудничали с местными правоохранителями и создали координационный совет пяти близлежащих городов¹⁴. Однако показательный штурм местных управлений СБУ и МВД вооруженными людьми в камуфляже должен был возвестить о запуске на Донбассе “крымского сценария”. Стрелков хорошо понимал эффект от имитации действий “зелёных человечков”. По его словам, местные жители “открыто выражали нам симпатию”, поскольку считали, что “всё повторяется как в Крыму”. В отличие от других городов, здесь была смещена мэрия города — Неля Штепа, даже несмотря на то, что она открыто поддержала “ополчение”. Место Штепы занял “народный мэрия” — местный активист Вячеслав Пономарёв, но фактический контроль над городом оказался в руках Стрелкова.

Водружение над Славянском флага ДНР позволило без какого-либо сопротивления подчинить близлежащие города, включая Краматорск — один из крупнейших промышленных центров области. Ключевая роль Стрелкова в организации военных операций самопровозглашенной ДНР стала очевидна в конце апреля, когда руководство “республики” признало его командующим всеми отрядами самообороны области. Однако главным результатом его появления стало резкое изменение стратегии Киева в отношении самопровозглашённых республик.

Славянская ловушка

Реакция украинской власти на развитие сепаратистского движения на Донбассе строилась на двух фатальных заблуждениях. С одной стороны, украинская власть сильно недооценила степень поддержки на Донбассе лозунгов за пересмотр отношений с Киевом. С другой стороны, вооруженный отряд Стрелкова в Славянске рассматривался как главный источник угрозы для целостности государства. Поэтому почти все силы были брошены на осаду и взятие города. Это позволило

сепаратистам под прикрытием местных властей укрепиться в других районных центрах и провести референдум о самоопределении в большинстве районов Донецкой и Луганской областей. Успешное проведение референдума стало поворотной точкой в конфликте.

Первыми ответными шагами Киева была попытка вступить в переговоры. Сразу после захвата госучреждений в Донецке и Луганске туда направились вице-премьер Виталий Ярема и секретарь Совета национальной безопасности и обороны Андрей Парубий. Однако их главное послание — обещание провести децентрализацию власти — уже не могло удовлетворить руководство “республик”. Лидеры сепаратистов в обоих городах настаивали на том, чтобы Киев обязался признать результаты референдума о статусе областей, который они намеревались провести. Референдум открывал для них возможность торговаться за более широкие права или идти путём Крыма. По мнению бывшего губернатора Донецкой области Сергея Таруты, именно тогда Киеву следовало принять решение о применении сил специального назначения для освобождения захваченных административных зданий, как это было сделано в Харькове¹⁵. Вместо этого центральная власть продолжала выжидать, рассчитывая, что горстка “маргиналов”, забаррикадившаяся в этих зданиях, не способна ни на какие существенные действия. Поскольку митинги в их поддержку оставались малочисленными, поражение сепаратистов казалось неизбежным, в то время как силовые действия власти по освобождению зданий и вероятные жертвы могли вызвать волну негодования и усилить мобилизацию местных жителей, подобно тому, как это недавно произошло на Майдане.

Рассчитывая на локализацию конфликта, центральные власти не учли несколько важных факторов. Во-первых, захваты зданий администрации в Донецке и СБУ в Луганске стали решающим толчком к окончательному распаду правоохранительной системы в регионе и переходу значительной части силовиков на сторону сепаратистов. Это позволило получить доступ к оружейным складам и начать формировать первые батальоны ополчения, а также лишило формальное руководство двух

областей — местных губернаторов, назначенных Киевом, — каких-либо действенных рычагов влияния на ситуацию. Во-вторых, в руководящие органы самопровозглашенных республик были кооптированы многие местные депутаты, которые стали важным звеном в выстраивании неформальных отношений с другими городами. Это значительно упростило организацию референдума и помогло распространить влияние ДНР/ЛНР за пределы Донецка и Луганска. В-третьих, карикатурные “республики” неожиданно стали символическим “пристанищем” для многих жителей региона, которые после Евромайдана испытывали чувство отторжения от Украины. Поскольку сама идея “республик” оставалась преднамеренно размытой, каждый мог вкладывать в неё столько представлений об автономии или суверенитете региона, сколько того желал. В результате ко дню проведения референдума именно “республиканский” нарратив победил дискурс о “единой стране”, который активно продвигали украинские СМИ.

В отличие от сдержанной реакции Киева на провозглашение ДНР и ЛНР, на захват Славянска группой Стрелкова руководство Украины ответило поспешным объявлением о начале “антитеррористической операции” (АТО). Свободное передвижение “зелёных человечков” поблизости от всё ещё беспокойной Харьковской области было воспринято как прямой вызов украинской власти и продолжение курса РФ на расчленение Украины. Такой же позиции придерживались и её западные союзники. Посол США в ООН Саманта Пауэр мгновенно возложила ответственность за подготовку событий в Славянске на Россию. Для Киева присутствие там российских граждан с недавним опытом участия в крымской операции стало достаточным “казусом белли”. Исполняющий обязанности президента Александр Турчинов заявил о проведении АТО “с привлечением Вооружённых Сил Украины” — фактически полномасштабной военной кампании — чтобы не дать России “повторить крымский сценарий в восточном регионе Украины”. Тогда же был сформулирован главный пропагандистский тезис Киева в оправдание силовых действий на востоке:

конфликт на Донбассе является не “войной украинцев с украинцами”, а войной с РФ ради сохранения Украины. Однако для многих в самом регионе это прозвучало так, что именно местных жителей заочно записали в террористы.

Были ли опасения “ползучей аннексии” Донбасса и других частей Украины оправданными? Очевидно, что это было одной из стратегических целей Стрелкова, будущего премьер-министра ДНР Александра Бородея и близких им идеологов “русского мира” в Москве (в частности, Александра Проханова и Александра Дугина). Быстрое отделение “народных республик” на Донбассе должно было вызвать цепную реакцию среди других областей юго-востока Украины. Для них формировался отдельный проект “Новороссия”, в который, по этому замыслу, должны были войти все территории, отколовшиеся от Украины. В конце марта 2014 года Стрелков прогнозировал в своем блоге, что “к лету Украины не станет в её нынешнем виде — восток и юго-восток провозгласят свою независимость, которую Киев не признает, но сделать ничего не сможет, так как за спиной у сепаратистов будет стоять Россия”¹⁶. По его представлениям, из-за слабости украинской армии распад страны будет сопряжен лишь с “малоинтенсивной гражданской войной”, которая завершится, когда государственный суверенитет Украины окажется ограничен территорией нынешней Галичины.

Однако в краткосрочной перспективе Стрелков стремился сосредоточить на себе внимание Киева. Это должно было заставить украинскую власть бросить основные ударные и огневые средства на возвращение контроля над Славянском. В перехваченном СБУ телефонном разговоре со Стрелковым сразу после захвата города Константин Малофеев, один из тех, кто финансировал операции на Донбассе и в Крыму, объясняет, что “весь мир уже смотрит на эту географическую точку, так что теперь можно сильно не умничать”¹⁷. Позже один из соратников Стрелкова признал, что тот “видел свою задачу в прикрытии проведения референдумов 11 мая в Донецке и Луганске, после чего был готов вновь отойти в тень и предоставить событиям развиваться

по крымскому сценарию”¹⁸. По сути, в представлении Стрелкова — Бородая референдум должен был открыть путь для полноценного ввода на Донбасс российских войск.

Ответные действия Украины полностью оправдали изначальный расчёт Стрелкова. Первые же военные подразделения, поспешно брошенные для занятия Краматорска, были остановлены безоружными жителями, вставшими на пути их продвижения, а часть боевых машин и оружия военно-десантной бригады ВСУ быстро оказалась в руках ополченцев. Это создавало впечатление, что ополчение пользуется поддержкой среди местных жителей, а украинская армия беспомощна. В последующий месяц главные боевые части ВСУ и Национальной гвардии, включая тяжёлую бронетехнику и артиллерию, были сконцентрированы вокруг оси Славянск — Краматорск. Однако единственным существенным результатом серии штурмов этих городов оказалось взятие горы Карачун, которая стала ключевой огневой позицией ВСУ. По признанию Турчинова, одним из главных препятствий для продвижения украинской армии стали действия “обозленных местных жителей, которые были не меньшей проблемой, чем боевики”¹⁹. Тем временем, пока шли бои за Славянск, лидеры сепаратистов укрепились в других городах Донбасса и сформировали новые батальоны, составившие основу ополчения во время летней кампании. Таким образом, Славянск оказался своеобразной ловушкой для Киева: Луганск и Донецк выиграли время и смогли подготовить политическую и военную платформу для дальнейшего сопротивления. Кроме того, на окраинах Славянска украинская армия понесла первые значительные потери. До конца мая Украина потеряла там около трех десятков военных и добровольцев, а также несколько военных вертолётов. Здесь же украинские военные перешли к широкому использованию тяжелых вооружений. А с завершением президентской кампании в Украине артиллерийские и минометные обстрелы жилых кварталов Славянска и Краматорска стали регулярным явлением.

После объявления результатов референдума и провозглашения независимости “республики” Стрелков, уже в качестве главно-

командующего ДНР, призвал руководство РФ “принять адекватные ситуации меры по защите населения ДНР, включая возможность ввода контингента миротворческих сил”²⁰. Но Кремль отказался признать результаты референдума, и это было первым сигналом того, что полноценная аннексия Донбасса не входит в планы российского руководства²¹. Следующим стало официальное признание Россией итогов президентских выборов в Украине — шаг, который противоречил главным идеологическим установкам “республики”. Уже к середине июня Стрелков начал обвинять российское руководство в “саботаже Новороссии” и заговорил о мрачных перспективах для ополчения в связи с нехваткой вооружения и добровольцев — “большинство из нас погибнет, а “русская весна” будет на корню убита “украинским заморозком”²². Однако уже в июле ситуация в корне изменилась, и изначально асимметричный конфликт постепенно “выровнялся” до традиционного военного противостояния.

Здравствуй, оружие

Несмотря на кажущуюся военную слабость, Украина долго имела значительное преимущество над ополчением как в численности, так и в вооружении, особенно в тяжелой технике. Бригада ополченцев в Славянске не превышала тысячи человек и имела на вооружении всего три артиллерийских орудия. При осаде Славянска Украина использовала системы реактивного залпового огня “Град”, несколько батарей гаубиц, минометов и артиллерийских установок и десятки броневых боевых машин. Такой дисбаланс начал постепенно изменяться в первые недели лета, после того, как ополчение взяло под контроль главные пропускные пункты двух областей на границе с Россией. Уже к середине июля ополчение перешло от партизанских вылазок и стрелковых сражений к танковым боям и дистанционным дуэлям с использованием реактивной артиллерии. В переходе от “асимметричного” конфликта к полноценным боевым действиям решающую роль сыграли три фактора: успешное пополнение ополче-

ния местными добровольцами, мобилизация новобранцев из России и активизация переправки тяжелой военной техники из так называемого российского “военторга”. При этом именно первый фактор способствовал не только затягиванию конфликта, но и расширял внутреннюю базу поддержки “республик”, отчего конфликт все больше приобретал характер гражданской войны.

По разным журналистским наблюдениям, уроженцы Донбасса преобладали среди ополченцев с самого начала военного конфликта²³. Это подтверждают и список ополченцев, погибших в боях (преимущественно украинцев), и база данных сепаратистов, созданная при поддержке украинских силовых органов, в которой местных жителей насчитывается около двух третей. Украинские власти объясняли участие местных жителей в сопротивлении исключительно экономическими мотивами и представляли самих участников в основном как социально неустроенных граждан или завербованных агентов России. Однако, как показывают различные исследования гражданских конфликтов, мотивы повстанцев редко бывают одномерными и часто имеют, помимо рациональной, также и эмоциональную составляющую²⁴. Рациональная мотивация предполагает как получение определенных выгод, так и минимизацию издержек, связанных с уклонением от участия в конфликте²⁵. Эмоциональные мотивы, напротив, связаны с личным пониманием норм справедливости и морального долга, реакцией на политическую или экономическую дискриминацию по признакам групповой принадлежности или же ответом на внешнюю угрозу²⁶. При этом исключительно идеологические мотивы редко играют решающую роль.

Проведенный автором опрос пятидесяти пяти ополченцев (все — граждане Украины), отобранных по методу случайной выборки, свидетельствует о важном значении эмоциональных факторов для тех, кто принял решение вступить в ряды ополченцев²⁷. При выборе нескольких причин наиболее часто упоминалось желание защитить семью, друзей или мирных жителей (85,5%) и встать на защиту родного края (70%), а денежный стимул был назван в качестве мотива лишь

одним респондентом. Выбирая один решающий мотив участия в ополчении, больше половины также назвали защиту близких (47%), но вторым по популярности ответом стало более конкретизированное восприятие врага — необходимость остановить украинских националистов (23%). Этому способствовало активное участие в конфликте военной кривла националистических организаций Майдана, которые получали открытое финансирование олигархов и политическую поддержку государства. В то же время сугубо политическая цель — отстаивать независимость ДНР/ЛНР — имела значение для 10% респондентов, а борьба за освобождение Новороссии стала ключевым мотивом лишь для 7% опрошенных ополченцев.

Эмоциональная составляющая решений проявляется и в интервью с отдельными ополченцами. Как объясняет Павел из Краматорска: “Я вступил в ополчение именно сам — был на работе в городе Краматорск, и с Карачуна летели и на моих глазах взрывались осколочно-фугасные снаряды калибра 240 мм. Я увидел и ужаснулся... эти снаряды не попали по ополченцам, а попали в детскую площадку, рабочий кран на заводе, остановку с ночником... Я сам “укропчик весёлый хлопчик”, но на геноцид, фашизм и национализм не подписывался.” Другой ополченец, Антон из Харькова, описывает причины своего присоединения к вооруженному сопротивлению так: “Ко мне в дом пришли какие-то уроды и ломают его, надо что-то делать. Указать им их место. Потом перешло уже в ненависть. Меня очень беспокоили люди в балаклавах и которые выше закона, потому что они замотаны в флаг. От них можно было ожидать всего.”

Решение вступить в ополчение сопровождалось для многих и более фундаментальным пересмотром своей связи с Украиной. До 2014 года почти все респонденты (85%) полностью или частично связывали себя с украинским государством. При этом более половины опрошенных (54,5%) сохраняли амбивалентность в вопросе о своей идентификации с Украиной, называя себя прежде всего русскими (27,3%), жителями Донбасса (14,5%) или своего города (12,7%). После года конфликта только 7,5% респондентов

продолжают ассоциировать себя с Украиной полностью или частично. Изменение отношения к украинскому государству имеет схожие эмоциональные корни. Для большинства это было вызвано реакцией на гибель мирных жителей в результате обстрелов украинской армии (38,9%) или поджога Дома профсоюзов в Одессе (20%). Примечательно, что само по себе начало АТО или блокада Славянска не оказали такого сильного воздействия на ополченцев — только 18 % заявили, что эти события заставили их пересмотреть своё отношение к Украине.

Путь к полномасштабной войне на Донбассе, таким образом, состоял из нескольких этапов. Протестная фаза заключалась в мобилизации против результатов Евромайдана и требованиях особого статуса для региона. Отсутствие вразумительной реакции со стороны украинской власти и её кажущаяся слабость на фоне решительных действий России в Крыму создала условия для запуска силовой фазы. Крах государственности, который произошёл в большей части Донбасса, открыл возможности для курса на его обособление. Хотя общественное мнение здесь по-прежнему свидетельствовало о поддержке сохранения Донбасса в Украине, новой украинской власти местные жители не доверяли. Ставка Киева на подавление антигосударственных выступлений с помощью армии и добровольческих батальонов запустила военную фазу конфликта, которая произвела эффект, противоположный ожидаемому. Вместо быстрой капитуляции ополчения началось его формирование в других городах и идентификация местного населения с самопровозглашенной властью. Эскалация конфликта вплоть до использования неизбирательного оружия против крупных городов привела к гибели гражданского населения и массовым потокам беженцев. Однако это только усилило сопротивление украинскому государству и существенно усложнило перспективы его возвращения на потерянные территории. В этом смысле конфликт на Донбассе развивался по логике, характерной для множества гражданских войн в целом: каждая новая фаза эскалации становилась ответом на предыдущую, динамика насилия приводила к изменению

довоенных предпочтений и идентичности непосредственных свидетелей боевых действий, создавала новые групповые связи и линии противостояния²⁸.

Донбасский разлом

Бесперспективность силового решения конфликта стала очевидна Киеву и западным союзникам к концу августа 2014 года, когда украинское наступление на Донецк и Луганск было остановлено с помощью прямого вмешательства российских войск. Иловайский котёл, в котором погибли сотни украинских солдат, ознаменовал крах летней военной кампании. Однако и в последующий период руководству Украины так и не удалось определиться со стратегией возвращения территорий на востоке. Более того, многие из хаотичных действий Киева — например, полный отказ от социальных выплат местным жителям, введение ограничений для перемещения граждан и перевозки продуктов или продолжение обстрелов жилых районов городов — только усугубило положение гражданского населения “республик”. Тем не менее, показательно, что каждый второй житель ДНР/ЛНР все ещё поддерживает сохранение региона в составе Украины и только 16% продолжают выступать за независимость Донбасса, а каждый четвёртый надеется на его аннексию по образцу Крыма²⁹. Это оставляет открытой возможность реинтеграции данных территорий в состав Украины, но только при условии широкого политического компромисса между всеми сторонами конфликта. Препятствиями для него остаётся как внутривнутриполитическая динамика в Украине, так и специфика интересов России и руководителей непризнанных “республик”.

Официальная риторика Украины, до сих пор представляющая противоположную сторону как “террористов” и пособников российской агрессии, усложняет не только переговорный процесс, но и модели урегулирования конфликта. При этом признание руководства “республик” и легализация ополчения в виде “народной милиции” — ключевые требования ДНР/ЛНР — сопряжены с огромными

политическими рисками для президента Петра Порошенко. В условиях пробуксовывания реформ, отсутствия реальных результатов борьбы с коррупцией и глубокого экономического кризиса уступки “внешнему врагу” могут окончательно подорвать авторитет власти. Воспользуются этим в первую очередь несистемные политические игроки, которых война на Донбассе превратила из праворадикальных маргиналов в новейших героев нации. Жестким противником компромисса с ДНР/ЛНР являются и главный союзник Порошенко по парламентской коалиции Народный Фронт Арсений Яценюк, для которого сохранение противостояния с Россией является условием политического выживания. Кроме того, возврат ДНР/ЛНР будет означать и дополнительные финансовые обязательства, в то время как Украина не может расплатиться по внешним кредитам. Единственным приемлемым для Киева соглашением может стать временное предоставление ДНР/ЛНР особого статуса с широкими финансовыми полномочиями и культурными правами. Однако даже эти минимальные уступки не предполагают амнистию всем ополченцам, которая является непременным условием договорённости для противоположной стороны.

“Республиканским” руководителям сделка с Киевом также сулит серьёзные потери. За год им удалось легитимировать свою власть, установить контроль над финансовыми потоками и избавиться от наиболее самостоятельных “полевых командиров”. Разрозненные батальоны теперь сформированы в общую структуру с единым командованием, которая все больше напоминает регулярную армию и, по оценкам украинской стороны, достигает сорока тысяч³⁰. Обеспеченность современными видами артиллерии и военной техники позволяет сохранять относительный паритет с украинскими вооруженными силами, а протекция России является гарантией от экономического банкротства и среди части населения поддерживает иллюзию, что в перспективе Донбасс может присоединиться к РФ. Фактически “республики” приобретают черты военно-бюрократических режимов, в которых люди с оружием и чиновники подчиняют себе общество через монополию на

распределение благ и средства принуждения. При этом обнищавшее и запуганное население лишено каких-либо инструментов общественного контроля и находится в полной экономической зависимости от властей держащих. Любые договорённости с Украиной наложат ограничения на лидеров “республик” и лишат их возможности использовать ключевой идеологический тезис о несовместимости интересов Донбасса и “фашистов” в Киеве. Поэтому к годовщине первых Минских договорённостей конфликт остаётся неразрешенным, и для обеих сторон сохранение ситуации “ни войны, ни мира” выглядит предпочтительным.

Парадоксально, но из всех участников конфликта Кремль, быть может, наименее заинтересован в установившемся “статус-кво”. Сепаратистское движение на Донбассе не только не подтолкнуло другие области юго-востока к попыткам самоопределиваться, но и вытолкнуло пророссийские силы на обочину украинской политики. Вместо того чтобы стать примером для подражания, ДНР/ЛНР превратились в символ глухого, безвыходного тупика. Перспектива “босниизации” Украины с предоставлением Донбассу права вето по ключевым политическим вопросам политически неприемлема для главных игроков в Киеве, а значит, совершенно нереалистична. В то же время сохранение ДНР/ЛНР как новой зоны “замороженного конфликта” выглядит слишком затратным сценарием для Москвы. Он потребует от Кремля не только дальнейших — и немалых — финансовых издержек для искусственного поддержания их жизнедеятельности, но и оставит Россию на неопределённое время под действием западных санкций³¹. Это, по всей видимости, слишком высокая цена для использования Донбасса как буферной зоны, где РФ может испытывать новое вооружение и тормозить движение Украины к ЕС и НАТО. При этом сдача этих территорий Украине на старых условиях может быть негативно воспринята общественным мнением в России. Только 11% россиян считают возможным, чтобы Донбасс вернулся в Украину без расширения своих прав. Большинство выступает или за независимость Донбасса (35%) или за его присоеди-

нение к России (24%)³². Поэтому, хотя Россия как будто и пытается сдвинуть переговорный процесс с мёртвой точки, настаивая на выполнении Минских соглашений, но едва ли переговоры могут способствовать разрешению конфликта. В результате Кремль является заложником “дилеммы заключенного”, в которой стороны, ввиду отсутствия доверия, выбирают конфликт как наиболее рациональную стратегию и при этом постоянно несут потери. До тех пор пока риск оказаться обманутым слишком высок, все стороны будут избегать реального сотрудничества.

Существование в патовых условиях приводит к расколу между жителями ДНР/ЛНР и остальным населением Донбасса, которые

стремительно отдаляются друг от друга не только политически, но и ментально. Показательно, что действия президента Путина поддерживают 58% жителей ДНР/ЛНР и только 13% жителей украинской части Донбасса³³. Право России вмешиваться во внутренние дела Украины для защиты русскоязычных признают 42% жителей “республик” и лишь 10% респондентов в украинском Донбассе. “Русская весна”, которую подхватили в Донецке и Луганске как борьбу за интересы Донбасса, привела к его потере как для Украины, так и для России. Любая новая фаза военных действий только утвердит эту новую реальность, но уже вряд ли сможет её изменить.

Примечания

- 1 Ющенко В., *Недержавні таємниці: нотатки на берегах пам'яті*. Харків: Фоліо, 2014. С. 472.
- 2 HIGGINS A. A., *Ukraine City Spins Beyond the Government's Reach*// The New York Times. 2014. 15th February.
- 3 *Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: Апрель 2004*// Зеркало Недели, 2014. 18 апреля. URL: http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598_.html (доступ 19.08.2015)
- 4 *В Луганской области организовывают отряды самообороны*// СХИД.ИНФО. 2014. 27 января. URL: <http://cxid.info/v-luganskoj-oblasti-organizovuyaut-otryady-samooborony-n11731> (доступ 19.08.2015); *Донецк патрулируют отряды казаков и афганцев*// Корреспондент.net. 2014. 26 января. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3297360-donetsk-patrulyruuit-otriady-kazakov-veteranov-afhantsev> (доступ 19.08.2015); *В Донецкой области создают народные дружины сторонников Януковича*// Украинская Правда. 2014. 28 января. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/01/28/7011671/> (доступ 19.08.2015)
- 5 Цит. по: *Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: Апрель 2004...*
- 6 *Економіка Антимайдану. Інфографіка*// Економічна Правда. 2013. 13 декабря. URL: <http://www.epravda.com.ua/publications/2013/12/13/408504/> (доступ 19.08.2015)
- 7 *Ностальгія за СРСР та ставлення до окремих особистостей*// Группа Рейтинг, 2014. 5 мая. URL: <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14092/> (доступ 19.08.2015)
- 8 *Динаміка патріотичних настроїв*// Группа Рейтинг. 2014. 15 августа. URL: <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14101/>(доступ 19.08.2015)
- 9 *Ставлення українців до територіального устрою країни та статусу Крима*// Группа Рейтинг. 2014. 14 марта. URL: <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14083/> (доступ 19.08.2015)
- 10 См. *Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: Апрель 2004...*
- 11 Двали Н. *Экс-начальник Луганской СБУ Петрулевич: Террористические группы ГРУ России уже в Киеве и ждут сигнала*// Gordon.ua. 2014. 2 июля. URL: <http://gordonua.com/publications/Petrulevich-Terroristicheskie-gruppy-GRU-Rossii-uzhe-v-Kieve-i-zhdut-signala-29825.html> (доступ 19.08.2015)
- 12 ШЕРЕМЕТ П., Антон Геращенко: *Близько 500 осіб вважаються зниклими безвісті*// Украинская правда. 2014, 30 сентября. URL: <http://www.pravda.com.ua/articles/2014/09/30/7039343/> (доступ 19.08.2015)
- 13 *Семнадцать километров мы шли маршем через границу. Игорь Стрелков отвечает на вопросы Сергея Шаргунова*// Свободная Пресса. 2014. 11 ноября. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/103643/> (доступ 19.08.2015)
- 14 *Народный мэр Славянска: “Мы не думали, что дойдёт до войны, так как надеялись на помощь России”*// Regnum. 2014. 20 октября. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1858546.html> (доступ 19.08.2015)
- 15 *Сергій Тарута: “Ми намагалися домовитись з Москвою ще до президентських виборів”*// Громадське ТБ. 2015. 23 февраля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ExyZWfjHbRs> (доступ 19.08.2015)
- 16 *Военные сводки с Юго-Западного фронта*. URL: <https://forum-antikvariat.ru/index.php/topic/204348-voennye-svodki-s-yugo-zapadnogo-fronta/?p=2120939> (доступ 19.08.2015)
- 17 *Славянск. 13.04.2014 СБУ перехватила переговоры сепаратистов в Славянске*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=duCSkkE6XX8> (доступ 19.08.2015)
- 18 *Запись в “Живом журнале” Эль-Мюрида*// 2015. 11 мая. URL: <http://el-murid.livejournal.com/2368663.html> (доступ 19.08.2015)
- 19 *“Так начиналась война”. Интервью с Александром Турчиновым*// Цензор. Нет. 2014. 24 октября. URL: http://censor.net.ua/resonance/308694/tak_nachinalas_voyina_intervyu_s_aleksandrom_turchinovym (доступ 19.08.2015)

- 20 *Сепаратисты “Донецкой республики” просят в Россию* // Русская Служба BBC. 2014. 12 мая. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/05/140506_donetsk_separatists_sovereignty_proclaimed (доступ 19.08.2015)
- 21 *Москва восприняла референдумы в Украине с уважением* // Русская служба BBC. 2014. 12 мая. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/05/140512_russia_east_ukraine_plebiscit_reax.shtml (доступ 19.08.2015)
- 22 *Стрелков: теперь я призываю к срочному оказанию масштабной военной помощи* // Завтра, 2014. 16 июня. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/strelkov-teper-3ya-prizyvayu-k-srochnomu-okazaniyu-masshtabnoj-voennoj-pomoschi/> (доступ 19.08.2015)
- 23 JUDAN T., *Looking for Ukraine* // The New York Review of Books. 2014. 19th June; FRANCHETTI M., *Pinned to the Ground by the Blizzard of Bullets* // The Sunday Times. 2104. 8th June; IOFFE J., *My Mind-Melting Week on the Battlefields of Ukraine* // New Republic. 2014. 16th June; MARSON J., *Donbas Diary: On the Frontlines in Eastern Ukraine* // The Wall Street Journal. 2014. 3th June.; LUHN A., *Volunteers or paid fighters? The Vostok battalion looms large in war with Kiev* // The Guardian. 2014. 6th June.
- 24 См., например, GATES S. *Recruitment and Allegiance: The Microfoundations of Rebellion* // The Journal of Conflict Resolution. 2002. Vol. 46, №1. P. III-130; HUMPHREYS M., WEINSTEIN J., *Who Fights?* // American Journal of Political Science. 2008. Vol 52. № 2. P.: 436 455
- 25 Lichbach, M. *Contending Theories of Contentious Politics and the Structure-Action Problem of Social Order* // Annual Review of Political Science. 1998. № 1. P. 401-424.
- 26 PETERSEN R., *Understanding ethnic violence: fear, hatred, and resentment in twentieth century Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; WOOD E., *Insurgent collective action and civil war in El Salvador*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; CEDERMAN L-E., WIMMER A., MIN B., *Why Do Ethnic Groups Rebel? New Data and Analysis* // World Politics. 2010. Vol. 62. №1. P. 87–119.
- 27 Результаты моего исследования основываются на онлайн-опросе, проведённом с 30 апреля по 15 мая 2015 года. Список ополченцев для участия в опросе был сформирован с помощью случайной выборки профилей в социальных сетях из базы данных “Миротворец”, созданной при содействии СБУ и МВД Украины (<https://psb4ukr.org/criminal/>) Приглашение для участия в опросе было направлено 204 ополченцам, из которых 55 заполнили анкету. До начала военных действий 65,3% участников опроса проживали в Донецкой области, а 28,5% в Луганской области. На момент проведения опроса подавляющему большинству участников (86,1%) было до 40 лет.
- 28 KALYVAS S., *The Logic of Violence in Civil Wars*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- 29 См. *The Ukrainian People on the Current Crisis...*
- 30 *Командування АТО назвало кількість бойовиків* // Zahid.net, 2015. 11 мая. URL: http://zaxid.net/news/showNews.do?komanduvannya_ato_nazvalo_kilkist_boyovikiv_i_rosiyskih_viyskovih_na_donbasi&objectId=1350936 (доступ 19.08.2015)
- 31 *Голунов И., Артемьев А., На чьи деньги живёт Донбасс* // РБК. 2015 года. 15 июня. URL: <http://daily.rbc.ru/investigation/politics/15/06/2015/5579b4b99a7947b063440210> (доступ 19.08.2015)
- 32 Poushter J., *Key findings from our poll on the Russia-Ukraine conflict* // Pew Research Center. 2015. 10th June 10. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/06/10/key-findings-from-our-poll-on-the-russia-ukraine-conflict/> (доступ 19.08.2015)
- 33 См. *The Ukrainian People on the Current Crisis...*